

БЕЛОЗЁРОВ Василий Клавдиевич – д.полит.н., заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета, сопредседатель Ассоциации военных политологов (119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38; vk_belozerov@mail.ru)

ОТ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – К ГЛОБАЛЬНОМУ И ПЕРСПЕКТИВНОМУ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ

Аннотация. В статье анализируется обновленная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Представлен авторский подход к назначению доктринальных документов. Обосновывается необходимость разработки государственной стратегии России, преодолевающей устоявшиеся пространственные и временные рамки.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, стратегическое проектирование, государственная стратегия

На исходе 2015 г. Владимир Путин утвердил Стратегию национальной безопасности Российской Федерации. За постсоветский период это уже 5-й доктринальный документ подобного рода. В июне 1996 г. Борис Ельцин обратился к Федеральному собранию со специальным посланием по национальной безопасности. В декабре 1997 г. была утверждена Концепция национальной безопасности Российской Федерации. В дальнейшем документы утверждались Владимиром Путиным: в январе 2000 г. – новая редакция Концепции национальной безопасности, а спустя более 9 лет, 12 мая 2009 г., – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

С учетом приведенной хронологии и других обстоятельств возникают естественные вопросы относительно вышедшего документа: почему он утвержден именно 31 декабря 2015 г., зачем вообще его надо было принимать, чем он отличается от предыдущего и т.д. Словом, есть смысл поразмышлять по этому поводу. Ввиду военного происхождения понятия «стратегия» и широкого использования военной же терминологии в политической борьбе и риторике позволительно названия подразделов статьи дать соответствующим образом.

Нас окружают?

По вопросу, связанному с датой выхода обновленного документа, имеется вполне официальное объяснение. Согласно федеральному закону от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ст. 18) Стратегия должна корректироваться каждые 6 лет. Поскольку предыдущая Стратегия была утверждена в 2009 г., то обновленный документ должен был быть скорректирован и утвержден хотя бы до исхода 2015 г. На это же хронологическое обстоятельство указал в своем интервью, предвывая выход доктринального документа, и секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев¹. Вообще следует позитивно оценить то, что в России постепенно формируется доктринальная и правовая база, регламентирующая сферу обеспечения национальной безопасности и обороны страны.

С учетом установлений закона о стратегическом планировании становится ясно и то, почему в названии новой редакции Стратегии отсутствует указание на

¹ Патрушев Н.П. Интервью «Российской газете» 22.12.2015. Доступ: <http://rg.ru/2015/12/22/patrushev-site.html> (проверено 28.05.2016).

конкретный временной интервал действия документа. Помимо необходимости выполнения требований закона, имеются и другие весьма существенные обстоятельства. Так, без труда можно обнаружить, что за 6 лет многое изменилось в сфере обеспечения национальной и международной безопасности. Достаточно назвать распространение практики свержения правящих режимов в целом ряде стран арабского мира, незаконный захват власти и политический кризис на Украине и его последствия, гражданскую войну в Сирии. Не может Российская Федерация оставить без реагирования стремление США к глобальному доминированию (когда все средства хороши, вплоть до массового кровопролития), экспансионистскую военную деятельность НАТО, попытки подрыва стратегической стабильности. Нетрудно назвать и другие обстоятельства.

О нарастании конфронтации на международной арене свидетельствует и то, что ряд политических акторов официально провозгласили Россию врагом или агрессором. Весьма красноречива в этом отношении Военная доктрина Украины, утвержденная Петром Порошенко в сентябре 2015 г.¹ Военная деятельность НАТО активизируется в Прибалтике, Молдове, в других близлежащих к России регионах.

Неприкрытая враждебность к России регулярно исходит и от основного глобального актора современной мировой политики – США. В Стратегии национальной безопасности США, утвержденной Барак Обама в феврале 2015 г., наша страна наряду с вирусом Эбола и террористическим Исламским государством оказалась в перечне главных проблем для Вашингтона². Немало обвинений в адрес «агрессивной» России содержится и в Национальной военной стратегии США (июнь 2015 г.)³. Воинственная антироссийская риторика находит свое отражение в практических делах в виде санкций, попыток изоляции нашей страны и др.

Таким образом, налицо достаточно свидетельств обострения международной напряженности, ее каналирования и, как результат, складывание весьма неблагоприятной для России ситуации. Появляется эффект «осаждаемой крепости». Правомерно заключить, что обстоятельства внешнеполитической природы стали доминирующим детерминантом формирования и реализации политики безопасности Российской Федерации, доктринальные установки которой были официально закреплены в обновленной Стратегии национальной безопасности.

Но мы не сдаемся?!

Подробная характеристика сложившегося в мире статус-кво и места в нем России содержится во втором разделе Стратегии. Следует отметить, что эта характеристика существенно отличается от положений документа 2009 г. Даже по своему объему раздел заметно больше аналогичного в предыдущем документе.

Однако важнее объема для специалиста содержание раздела. В нем наряду с ограниченной по объему констатацией позитивных для России тенденций мирового развития содержится весьма обширный перечень угроз безопасности страны и дается оценка происходящих в мире процессов. Декларируется и то, что наша страна проводит открытую внешнюю политику, исключая затратную

¹ Указ Президента Украины от 24.09.2015 № 555/2015 «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 2 сентября 2015 года “О новой редакции Военной доктрины Украины”». Доступ: <http://www.president.gov.ua/documents/5552015-19443> (проверено 28.05.2016). Перевод на русский язык см. на сайте Ассоциации военных политологов www.milpol.ru

² National Security Strategy 2015 of the United States of America. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed 27.05.2016).

³ The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (accessed 29.05.2016).

конфронтацию: «цель Российской Федерации заключается в приобретении как можно большего числа равноправных партнеров в разных частях мира» (ст. 28).

В документе конкретно названо, с какими странами и международными институтами Россия намерена взаимодействовать в процессе обеспечения своих интересов. В глобальном измерении речь идет о предпочтительности для России ООН как главного института обеспечения международной безопасности и стабильности. Среди других организаций фактически глобального масштаба названы БРИКС, РИК, ШОС, форум АТЭС, «Группа двадцати». В рамках постсоветского пространства и прилегающих регионов приоритетными для России определены СНГ, ОДКБ, Евразийский экономический союз, Союзное государство России и Белоруссии.

При этом произошла смена неуместных с позиции сегодняшнего дня акцентов: в прошлом остались содержащиеся в предыдущем документе декларации о создании общих с Западом пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры, о намерении формировать в Евро-Атлантике открытую систему коллективной безопасности, о стремлении к выстраиванию равноправного и полноценного стратегического партнерства с США на основе совпадающих интересов. Получается, подчеркнем это особо, что стратегия России за 6 (!) лет по ряду параметров изменилась диаметрально.

Основной раздел Стратегии – четвертый («Обеспечение национальной безопасности»). В нем раскрываются стратегические национальные приоритеты. Общее их число возросло по сравнению с документом 2009 г., однако первыми по-прежнему идут оборона страны и государственная и общественная безопасность. За ними следуют повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, культура, экология живых систем и рациональное природопользование, стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство.

В четвертом разделе последовательно раскрывается реализация каждого из названных стратегических национальных приоритетов. В обновленной Стратегии довольно много внимания уделяется противодействию распространению в российском обществе радикальной идеологии. В разделе, посвященном обеспечению национальной безопасности, многократно подчеркивается необходимость надежного функционирования критически важных инфраструктур общества и государства. Обращает на себя внимание включение вопросов обеспечения информационной безопасности, причем во всех ее ипостасях, практически во все подразделы, характеризующие реализацию стратегических национальных приоритетов.

Как подытожил в названном выше интервью секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев, «суть Стратегии – укрепление единства российского общества, обеспечение социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранение структурных дисбалансов экономики, повышение обороноспособности страны».

Выбор руководства Совета безопасности в пользу такого подхода становится более понятным, если обратиться к некоторым настораживающим фактам. На обоснованность беспокойности последствиями распространения в нашей стране идей радикализма и экстремизма указывают данные, приведенные уже в апреле 2016 г. председателем Следственного комитета России Александром Бастрыкиным [Бастрыкин 2016: 20]. Они свидетельствуют о весьма негативной динамике правонарушений экстремистской направленности в 2015 г. по сравнению с предыдущим:

- рост числа преступлений экстремистской направленности – 28,5%;
- рост преступлений в виде публичных призывов к осуществлению экстре-

мистской деятельности и возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства — почти 40%;

- рост числа преступлений террористического характера — 36,3%;
- рост числа преступлений террористического характера в Северо-Кавказском федеральном округе — 32,3%.

Отсюда понятен и смысл принимаемых мер по противодействию экстремизму и терроризму, в т.ч. мер военно-силового характера, в виде, например, учреждения войск национальной гвардии (указ президента о создании которых был подписан за несколько дней до выхода статьи А.И. Бастрыкина). Задачами Росгвардии должны, в частности, стать:

- участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения;
- участие в борьбе с терроризмом и в обеспечении правового режима контртеррористической операции;
- участие в борьбе с экстремизмом;
- участие в территориальной обороне.

Вместе с тем примечательно, что глава Следственного комитета в конечном итоге выражает солидарность с установками Стратегии 2015 г. относительно последствий деструктивного воздействия на Россию и подчеркивает, что для нашей страны «наиболее разрушительными стали последствия от информационной войны», в связи с чем он предлагает ряд мер по противодействию ей.

Здесь следует отметить, что периодически в России представителями высшего эшелона власти озвучивается неудовлетворенность сложившейся практикой управления страной «в ручном режиме», намерение перейти от практики поручений и контроля их выполнения к проектной деятельности. Из этого с неизбежностью следует придание побудительного смысла государственной стратегии для обеспечения единства действий на всех уровнях управления. Причем никуда не исчезла задача приобщения к государственной политике и широких масс.

Государственная стратегия как наука побеждать

По результатам ознакомления с содержанием Стратегии, с заявлениями высокопоставленных российских должностных лиц, а также с учетом направленности предпринимаемых практических действий в сфере обеспечения национальной безопасности, не отрицая необходимости борьбы с подрывными действиями против нашей страны, правомерно все же резюмировать следующее.

Первое. Суть официальных оценок причин статус-кво, сложившегося в сфере обеспечения национальной безопасности России, сводится к тому, что негативные процессы внутри страны детерминированы в основном целенаправленным враждебным разрушительным воздействием извне.

Второе. Оценивая механизм реагирования на такое воздействие, заложенный в Стратегии и осуществляемый на практике, правомерно констатировать, что он сформирован а) с учетом практически только парирования наносимых ударов и б) предполагает в основном внутривнутриполитические меры по консолидации нации. То есть, по сути своей он носит ре-активный (а именно ненаступательный и пассивный) характер.

Отсюда есть смысл попытаться разобраться с тем, есть ли у России стратегия как таковая, понимаемая а) как документ и б) как программа действий. Да и нужна ли она вообще нашей стране?

Предварительно все же отметим, что еще на этапе разработки Стратегии 2009 г. обозначился продуктивный тренд на увязывание, синтез процессов обеспечения национальной безопасности и развития страны, что, как предполагалось, най-

дет свое отражение в едином доктринальном документе [Назаров 2007]. Однако этого не произошло. Ссылки на «неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость» национальной безопасности и развития страны содержатся и в Стратегии 2015 г.

Между тем «стратегия» – не пустой звук, использование этого понятия в названии доктринального документа ко многому обязывает. Не вдаваясь в подробности и аргументацию, стоит указать, что стратегия по своему предназначению – это фактически устремленность к будущему. Не случайно стратегия часто определяется посредством использования понятия «проект». В этой связи, кстати, нельзя не отметить, что в само словосочетание «стратегическое планирование», столь часто употребляемое в политическом лексиконе России, заложен определенный алогизм: ведь результат планирования является статическим, он представляет собой лишь создание плана, а вовсе не реализацию проекта или программы.

Когда говорится о стратегии как о начертании облика желаемого будущего и устремленности к нему, о его созидании, для начала нельзя не задаться вопросом, о каких временных перспективах идет речь. Артикулированная стратегия – это свидетельство о претензиях на субъектность, о наличии не только ясно осознаваемого обществом и элитой будущего страны и ее места в мире, но и вообще самой картины мира, устраивающего страну. Иначе говоря, речь идет не о сопротивлении внешнему давлению (судьба России – постоянно находиться под таким давлением), а о переходе в стратегическое политическое наступление, о предложении (если надо – о навязывании) оппонентам и партнерам своего видения мироустройства. Чтобы подчеркнуть не управленческий, а претензионный характер документов и программ подобного рода, уместно процитировать нашего соотечественника Александра Свечина, автора лучшего в истории нашей страны и признанного за рубежом труда «Стратегия» (1926 г.): «Доктрина должна быть хищной и суровой, безжалостной к поражению и побежденным. <...> Доктрина задается не только тем, чтобы всякая мысль была точно изложена, передана, понята и послушно исполнена – чтобы люди говорили на едином общем языке; доктрина задается большими претензиями» [Постижение военного... 1999: 201, 226].

Претензия на статус великой державы объективно предполагает наличие стратегии, обязывает к ней. Имеются ли стратегии у ведущих акторов мировой политики? Да, имеются, и об этом заявляется громогласно.

Так, установки глобальной стратегии США остаются неизменными в течение веков и десятилетий. Ключевая мысль, наиболее ясно характеризующая предназначение стратегии национальной безопасности США 2015 г., изложена так: «Она направлена на инициативное продвижение наших интересов и ценностей с позиции силы». Всеми миру вновь провозглашается:

– Америка – превыше всего, она осознает свою исключительность и глобальную ответственность;

– свои ценности и интересы Америка считает универсальными и будет распространять и отстаивать их посредством применения силы, в т.ч. военной.

Есть и другие убедительные примеры успешных и последовательных стратегий.

Имелись ли у нашей страны проекты и претензии впечатляющего пространственного и временного размаха? Безусловно. Достаточно вспомнить концепцию «Москва – Третий Рим» дореволюционной России или программу строительства коммунизма в стране и в мире в советскую эпоху. Характерно, что впечатляющих успехов и признания наша страна достигала именно в период реализации таких проектов. Как известно, во многих регионах мира потенциал России до сих пор ассоциируется с результатами реализации этих проектов, что и привлекает к нам сторонников.

Отсюда ясно, что интересы созидания будущего требуют привлекательного национального и глобального проекта (разумеется, не прожекта). Задача создания и реализации подобного проекта является исключительной по своей сложности. Вместе с тем никакие препятствия не могут служить оправданием отсутствию стратегии и отказу от ее создания.

К тому же у России, несмотря на все провалы и поражения последних десятилетий, есть то, что дано немногим народам: в нашем массовом сознании на генетическом уровне сформировался менталитет победителей, наша идентичность основана на способности одерживать победы. В менталитете нашего народа и трудно понимаемая за рубежом ответственность за огромное пространство, освоенное предыдущими поколениями.

Фактически стратегия — это «наука побеждать» общенационального масштаба. Именно наука, а не инструкция.

И здесь хочется напомнить две прописные истины, два ориентированных на практику вывода:

- тот, кто не имеет собственной стратегии, подчиняется чужой;
- тот, кто не имеет собственной стратегии, проигрывает в тактике.

Исходя из исторической ответственности нашего поколения перед предками и потомками, современная Россия должна преодолеть пространственную и временную ограниченность своей государственной стратегии.

Список литературы

Бастрыкин А.И. 2016. Пора поставить действенный заслон информационной войне. — *Коммерсантъ Власть*. № 15.

Назаров В.П. 2007. Стратегическое планирование: сейчас или опять потом? — *Власть*. № 11. С. 3-9.

Постижение военного искусства. Идеи наследие А. Свечина. Российский военный сборник (сост. А.Е. Савинкин, А.Г. Кавтарадзе, Ю.Т. Белов, И.В. Домнин). 1999. М.: Русский путь / Военный университет. 696 с.

BELOZEROV Vasilij Klavdievich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Head of the Chair of Political Science, Moscow State Linguistic University, Co-chairman of the Russian Association of Military Political Scientists (38 Ostozhenka St, Moscow, Russia, 119034; vk_belozarov@mail.ru)

FROM NATIONAL SECURITY STRATEGY TO THE GLOBAL AND PERSPECTIVE STRATEGIC PROJECT PLANNING

Abstract. The article deals with the updated Russian Federation National Security Strategy. The author presents his own approach to the purpose of doctrinal documents. The article proves the need in the development of such state strategy that could overcome the settled spatial and time frames.

Keywords: Russian Federation National Security Strategy, strategic projecting, state strategy
